Письмо
Деду Морозу
ИИ
Юлия Становская

Юлия Становская

Письмо Деду Морозу

https://litres.ru/74650468
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если в городе перестали здороваться — и одиночество стало привычным?

В Липовске под угрозой Тыквенный Спас: старую традицию некому поддержать, а соседи проходят мимо друг друга, не поднимая глаз. Девочка пишет Деду Морозу не о подарке для себя, а о желании, которое может изменить весь город. И среди тыквенных листьев выпадает снег. Это чудо не решает проблемы, но даёт людям повод остановиться, услышать друг друга и взяться за общее дело.

Но чудо приносит и хлопоты: одним праздничным порывом не обойтись — каждому предстоит сделать свой посильный шаг. Смогут ли жители не растерять новое сближение, когда праздник закончится?

Тёплая сказка для семейного чтения — о доверии, заботе и силе маленьких поступков. Она напомнит: желание может объединить город, но первый шаг навстречу друг другу делают сами люди.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Город, в котором перестали здороваться 5
Тыквенный Спас под угрозой 15
Тыква с морозной звездой 26
Девочка, которая не просила подарков 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Юлия Становская
Письмо Деду Морозу

Письмо Деду Морозу

Юлия Становская

Город, в котором перестали здороваться

В Липовске утро начиналось с запаха тёплого хлеба, мокрых листьев и дыма из печных труб. Казалось, город просыпается ласково: ставни приоткрывались, на подоконниках дрожали капли росы, над крышами поднимался бледный октябрьский свет. Но если прислушаться, можно было заметить странное: улицы не разговаривали.

У булочной звякнул колокольчик. Тётя Дуся вошла, держа в руках корзинку и красное яблоко.

— Доброе утро, Семён Петрович. Вот, вам с дерева, самое наливное…

Булочник не поднял головы. Он месил тесто, густое и послушное, словно хотел вымесить из него все мысли разом.

— Два батона, пожалуйста, — сказала тётя Дуся после паузы.

Семён Петрович завернул хлеб в бумагу и протянул ей. Яблоко осталось лежать у кассы. Тётя Дуся посмотрела на него, потом на булочника, но ничего не сказала. Выходя, она придержала дверь ладонью, чтобы не хлопнула. Колокольчик звякнул ещё раз — теперь уже тише.

Девятилетняя Аня видела всё это из окна семейной лавки на соседней улице. Она как раз расставляла на полке банки

с мёдом и спорила с мамой о том, кто перепутал ценники.

— Не я, — сказала Аня. — У мёда не может быть цена от варенья. Это очевидно.

— Очевидно, — согласилась мама, поправляя синий платок. — Но ценник почему-то всё равно оказался не там.

Мама не улыбнулась, хотя обычно улыбалась даже ценникам. На столе перед ней лежала тетрадь с расходами, а рядом остывала чашка чая. Она то и дело поглядывала на часы: к полудню должны были привезти мешки муки, а водитель уже дважды переносил доставку.

Аня снова посмотрела в окно. Тётя Дуся шла через площадь, прижимая к груди корзинку. Красное яблоко она так и не взяла.

За лавкой, у фонаря, стоял старый Тимофей Ильич. Он каждое утро проверял уличные фонари, хотя днём их никто не замечал, а ночью все считали само собой разумеющимся. В руке у него поблёскивал маленький гаечный ключ. Мимо пробежали школьники — трое, с рюкзаками, подпрыгивающими на спинах. Один задел Тимофея Ильича плечом.

— Простите, дедушка, — пробормотал мальчик, не останавливаясь.

Остальные уже скрылись за углом. Старик посмотрел им вслед, потом отвёл взгляд к фонарю. На его рукаве осталась полоска пыли.

— Они просто торопятся, — сказала мама, заметив, куда смотрит Аня.

— Все торопятся, — ответила девочка. — А поздороваться никто не торопится.

Мама отложила тетрадь.

— Иногда люди так заняты своими заботами, что не замечают, как давно идут с опущенной головой.

— А если поднять голову?

— Можно увидеть, кто рядом.

— Так почему они не поднимают?

Мама немного помолчала. Потом взяла со стола яблоко — то самое, которое Аня принесла из сада накануне, — и положила на прилавок.

— Потому что у каждого внутри будто своя маленькая комната, — сказала она. — В ней счета, больная спина, недоделанная работа, плохие новости. Человек так занят, чтобы ничего там не уронить, что забывает открыть дверь.

Аня нахмурилась. Ей не понравилось это объяснение. Оно звучало почти так, будто всё можно простить, если назвать достаточно много забот.

На площади городничий, господин Круглов, торопливо вышел из ратуши. Он шёл, прижимая к боку папку, а из открытого окна второго этажа ему крикнула тётя Марфа:

— Доброе утро, господин Круглов!

Городничий на секунду замедлил шаг. Он даже поднял голову — Аня это заметила. Но потом поглядел на часы, вернулся к окну и быстро прикрыл створку. Тётя Марфа осталась стоять с поднятой рукой. Её ладонь медленно опусти-

лась на подоконник.

Аня с силой поставила банку мёда на полку.

— Если все заняты, значит, никто никому не нужен?

— Нет, — сказала мама. — Это совсем не одно и то же.

Но Аня уже не слушала. Она выбежала из лавки, оставив дверь открытой. На улице было прохладно. Листья лип прилипали к камням, и ветер катил их по мостовой, будто торопился за кем-то невидимым.

У дома напротив сосед Громов выгружал из тележки длинную доску. Он жил один и всегда носил серую кепку, даже когда светило солнце. Аня подбежала к подъездной двери и распахнула её перед ним.

— Вот, держу! — сказала она громко.

Громов прошёл мимо, не обернувшись. Доска скользнула у него на плече; он поправил её и вошёл внутрь. Дверь качнулась, едва не задев Анину руку.

Девочка осталась на пороге с ладонью на холодной ручке.

— Пожалуйста! — крикнула она ему вслед. — Я же дверь держала!

Но дверь уже закрылась. За ней послышался тяжёлый шаг, потом щелчок замка.

Аня стояла неподвижно. Она не знала, что обиднее: что Громов не ответил или что никто даже не заметил, как ей стало обидно. В эту минуту на улице одна за другой начали закрываться ставни. Сначала на доме булочника — хлоп, потом у аптекаря — тук, потом у ратуши. На втором этаже

тётя Марфа убрала с окна цветочный горшок и скрылась за занавеской. Ветер гнал листья по пустой улице, а окна становились похожими на закрытые глаза.

Аня вернулась в лавку и сердито захлопнула дверь. Колокольчик над входом звякнул так громко, что мама вздрогнула.

— Не надо было хлопать, — сказала мама.

— А им можно закрывать двери перед всеми?

— Я не думаю, что Громов сделал это нарочно.

— А я думаю, что он мог хотя бы увидеть меня!

Мама не стала спорить. Она подвинула дочери табурет и налила ей чаю. Аня не стала пить. Она смотрела на яблоко на прилавке. Красное, гладкое, совершенно бесполезное, если никто не хочет его принять.

В Липовске никто не был злым. Это Аня знала. Булочник каждую весну чинил крышу над домом тёти Дуси, а господин Круглов однажды помог мальчику найти потерявшуюся собаку. Тимофей Ильич умел починить почти всё, что ломалось в городе. Но хорошие поступки у них стали похожи на старые письма: их хранили где-то в ящике, а вслух не перечитывали.

Когда взрослые уставали, они начинали считать внимание роскошью. Не грубостью — просто роскошью, на которую нет лишней минуты. Ответить на приветствие казалось мелочью, а значит, можно было отложить. Поднять глаза — тоже. Улыбнуться — потом. Только у «потом» была неприят-

ная привычка всё время отодвигаться.

Психологи, изучающие повседневное общение, часто отмечают: короткий доброжелательный контакт с малознакомым человеком может усилить чувство связи с окружающими. Это не лекарство от одиночества и не обязанность улыбаться каждому встречному. Но простое признание — взгляд, имя, приветствие — даёт человеку знак: «Я заметил, что ты здесь». Иногда именно этого не хватает, чтобы город перестал казаться набором закрытых дверей.

— Мам, — сказала Аня, — а если я буду здороваться первой?

— Можно попробовать.

— А если не ответят?

— Тогда ты всё равно поздоровалась. Но помни: человек мог не услышать, задуматься или спешить. Не нужно заставлять его отвечать. Просто оставь ему место.

Это показалось Ане несправедливым. Но она запомнила.

Если захочется проверить, как маленькое внимание меняет обычный день, можно устроить себе простой опыт. Сначала выбери одного человека, которого часто встречаешь, но почти не замечаешь. Потом поздоровайся спокойно и, если уместно, назови его по имени. Наконец, не требуй ответа: дай человеку секунду и продолжай свой путь. Неудачный отклик не означает, что ты сделал что-то не так. Иногда для привычки замечать друг друга требуется больше одного утра.

На следующий день Аня решила провести собственную проверку. У булочной она остановилась, прежде чем войти.

— Доброе утро, Семён Петрович!

Булочник обернулся. На его руке белело пятно муки.

— Утро, — сказал он и тут же вернулся к тесту.

Это было всего одно слово, но Аня почувствовала, будто в стене появилась крошечная щёлочка. Она не стала требовать большего. Купила булочку, положила рядом с кассой яблоко и вышла.

На площади Тимофей Ильич снова возился с фонарём. Аня подошла поближе.

— Я вчера видела, как вы его чинили. Он теперь не мигает.

Старик поднял глаза. В них мелькнуло удивление, а затем что-то мягкое и тёплое.

— Пока не мигает, — сказал он. — Но осенью провода капризные.

— Значит, вы ему не даёте капризничать?

Тимофей Ильич тихонько хмыкнул. Это не было смехом, но очень на него походило.

— Стараюсь.

Аня пошла дальше с ощущением, что проверка не провалилась. Просто она состояла не из громких ответов, а из маленьких знаков: обернулся, услышал, хмыкнул. Ей всё ещё хотелось, чтобы взрослые однажды сразу заметили её, но теперь она понимала: внимание не всегда открывает дверь на-

стежь. Иногда оно сначала стучит.

Дома мама достала из-под прилавка афишу, которую принесла утром почтальонша. На ней была нарисована большая оранжевая тыква с вырезанными глазами, а вокруг неё — маленькие золотые фонарики.

«Через три дня — Тыквенный Спас!» — гласила надпись. «Площадь, общий стол, песни и огни. Приходите всем городом».

В Липовске этот праздник отмечали столько лет, сколько старожилы себя помнили. Осенью жители приносили на площадь тыквы и яблоки, пекли пироги, варили густой суп с душистыми травами. Тимофей Ильич зажигал старые фонари, дети вырезали смешные мордочки на тыквенных корках, а булочник делал маленькие булочки в форме листьев. Даже господин Круглов в тот вечер обычно снимал пиджак и помогал расставлять столы.

Когда-то Тыквенный Спас был самым шумным днём года. Теперь на афише возле слова «помощники» кто-то поставил карандашом короткую черту. Ни одного имени.

— Кто будет готовить суп? — спросила Аня.

— Обычно тётя Дуся, — ответила мама. — Но у неё теперь внуки приехали.

— А фонарики?

— Тимофей Ильич говорил, что не успел проверить гирлянды.

— А пироги?

Мама посмотрела на длинную колонку дел и вздохнула.

— Все считают, что кто-нибудь другой найдёт время.

Аня провела пальцем по рисунку тыквы. На бумаге она улыбалась, но улыбка казалась странной, будто нарисованной для пустой площади.

В тот вечер девочка открыла ящик стола, чтобы достать цветные карандаши. Там лежала тетрадь, которую она берегла с прошлой зимы. На обложке было написано: «Письмо Деду Морозу». Тогда Аня просила ледовые коньки, но письмо так и не отправила: весной она передумала, а летом забыла.

Теперь она раскрыла тетрадь на чистой странице и написала: «Дорогой Дед Мороз…»

Потом остановилась. За окном темнела улица. Одно за другим зажигались окна, но занавески оставались задёрнутыми. Вдали на площади одиноко мерцал фонарь Тимофея Ильича.

Аня пока не знала, чего именно попросить. Чтобы все снова здоровались? Чтобы никто не был один? Чтобы Тыквенный Спас состоялся и люди пришли не только за пирогами, но и друг к другу?

Она обвела пальцем пустую строчку. Желание должно было быть настоящим, а не просто сердитым. Для этого нужно было понять, с чего начать.

Утром до праздника оставалось три дня. На площади уже поставили столы — всего два, хотя обычно их было десять. Рядом лежала афиша с перечнем дел и всё той же пустой ко-

лонкой помощников. Под ней кто-то прикрепил новое объявление: если до завтрашнего полудня не наберётся достаточно людей, общий стол придётся отменить.

Аня перечитала слова дважды. Потом посмотрела на тёмные окна вокруг площади и на маленький фонарь, который Тимофей Ильич всё-таки зажёг.

Город молчал. Но теперь Аня знала: молчание не всегда означает, что никто не хочет услышать. Иногда просто надо первым подойти к двери.

Она взяла из лавки корзинку яблок и направилась к булочной — не с планом спасти весь Липовск, а с одной простой мыслью: начать с того, кто рядом.

Тыквенный Спас под угрозой

На городской площади было так пусто, что ветер казался единственным устроителем праздника: он гонял по камням сухие листья, шевелил голые крюки для фонарей и пытался расправить одинокую ленту на перилах. Лента не поддавалась. Она обвисла, как уставшая улыбка.

До Тыквенного Спаса оставалось два дня.

Ни гирлянд, ни шатров, ни рядов оранжевых тыкв. На сцене темнела трещина, а возле неё лежала доска, которую кто-то принес ещё на прошлой неделе и так и не поднял. В прошлом году площадь в это время уже пахла корицей, яблоками и дымком от самовара. Теперь пахло сырой листвой.

Аня остановилась у ратуши. Вчера она первой поздоровалась с фонарщиком Тимофеем Степановичем, когда тот чинил уличный фонарь. Он удивился, ответил не сразу, зато потом сам подержал ей сумку, пока она завязывала развязавшийся шнурок. Сегодня Тимофей торопился внутрь, и Аня успела только заметить, как он втянул голову в плечи от холодного ветра.

— Тоже на собрание? — спросила она.

— Куда же ещё, — буркнул он. Но дверь придержал.

В ратуше собрались почти все, кто обычно делал праздник. Мэр Аркадий Степанович сидел во главе длинного стола, перед ним лежала толстая папка и кружка давно остыв-

шего чая. Булочник Григорий Иванович занял место у окна, словно заранее приготовился оттуда уйти. Библиотекарша Тамара Осиповна принесла коробку с бумажными выкройками. Тимофей поставил на пол ящик с инструментами. Напротив них устроились торговцы: Катя с банками варенья и Геннадий, который продавал мёд и был уверен, что его место на ярмарке по праву должно быть самым солнечным.

— Прекрасно, — сказал мэр. — Все здесь. Значит, поговорим быстро.

— Быстро мы уже поговорили, — отозвался Григорий Иванович. — В прошлом году. Мне обещали место у сцены.

— Вам дали место у сцены, — возразила Тамара Осиповна. — Только вы поставили стол перед входом в читальню.

— Потому что у сцены стояли ящики.

— Ящики стояли там, потому что вы попросили их убрать с вашей стороны!

— Я попросил убрать один ящик, а не всю ярмарку.

— Да что вы спорите из-за ящиков? — вмешался Геннадий. — Всё равно в этом году мне опять поставят стол в тени.

— Вы сами выбираете место, где тень, — сказала Катя. — Чтобы варенье не нагревалось.

— Я выбираю место, где люди ходят.

— Люди ходят там, где ты перекрываешь проход.

Голоса накладывались один на другой. Аня подумала, что ратуша стала похожа на кастрюлю, в которой забыли выключить огонь: ещё немного — и всё полезет через край.

Мэр поднял ладонь.

— Хватит. У нас не спор о прошлогодних столах. У нас проблема с этим годом. Тыкв нет, сцену не починили, украшения не готовы. Если ничего не изменится, праздника не будет.

Он развернул лист бумаги. Это был список дел к Тыквенному Спасу. Напротив каждой строки оставили место для имени добровольца.

— Отремонтировать сцену, — прочитал мэр. — Привезти тыквы. Сделать украшения. Развесить фонари. Расставить столы. Подготовить еду. Убрать площадь после ярмарки.

Напротив каждой строки белело пустое поле.

— А кто должен был привезти тыквы? — спросила Катя.

— Фёдор Михайлович, как всегда, — ответил мэр.

— Он сказал, что никто не подтвердил заказ, — заметил Тимофей. — Я видел его утром. Он не станет грузить телегу наугад.

— Какой ещё заказ? — нахмурился мэр. — Он же каждый год привозит.

— Каждый год ему помогали грузить, — сказал Тимофей. — В прошлом году помогал Семён. А Семён уехал к дочери. В этом году никто не попросил Фёдора и никто не вызвался помочь.

На секунду в комнате стало тихо. Потом все заговорили снова, но уже не так уверенно.

Праздник не был одним большим чудом, которое случа-

лось само собой. Просто каждый год кто-то приносил доски, кто-то подвешивал фонари, кто-то звонил огородникам, а кто-то оставался после ярмарки и подметал площадь. Обычно это были одни и те же люди. Остальные привыкли видеть готовые гирлянды и полные столы — так же, как привыкли видеть утром чистую улицу, не задумываясь, кто прошёл по ней с метлой.

Теперь привычные помощники разъехались, постарели или ждали, что их позовут. А те, кто мог бы взяться за дело, считали, что сначала надо уладить старые обиды.

Аня посмотрела на пустые поля в списке. Ей захотелось заполнить их хотя бы карандашом — не потому, что она знала за всех, а потому, что пустота казалась слишком большой.

— Может, мы не будем сразу решать всё? — сказала она.

Её услышал только Тимофей. Он обернулся. Остальные продолжали спорить.

Аня встала на носки и повторила громче:

— Давайте каждый скажет одну вещь, которую он действительно может сделать. Не за всех. Одну. И когда именно.

— Это не школьный кружок, Аня, — сказал мэр, не поднимая глаз от бумаг.

Она почувствовала, как у неё загорелись уши.

— Я не предлагаю играть. Просто если написать, кто что делает, будет понятно, чего ещё не хватает.

Тамара Осиповна подтянула к себе коробку с выкройками.

— Я могу сделать бумажные листья. Но мне нужны ножницы, клей и хотя бы двое помощников.

— Вот, — быстро сказала Аня. — Тамара Осиповна сделает листья, а кто-нибудь…

— Я не обещала, что сделаю их одна! — перебила библиотекарша. — В прошлом году я три вечера вырезала, а потом кто-то развесил их под дождём. К утру всё расползлось.

— Так в этом году можно развесить под навесом, — предложила Аня.

— Навес не готов, — сказал Тимофей. — Его крепление шатается.

— Потому что доски до сих пор не привезли, — напомнил мэр.

— Я могу осмотреть сцену, — сказал Тимофей. — Но ремонтировать её без досок я не стану. Это небезопасно.

— Кто привезёт доски? — спросила Аня.

Она оглядела комнату. Григорий Иванович рассматривал свою ладонь. Геннадий делал вид, что проверяет крышку банки. Катя поправляла шарф.

— Я бы помог, — наконец произнёс булочник, — если бы мне сказали, сколько надо досок и куда их складывать. В прошлый раз я таскал всё с дальнего конца площади, а потом мне заявили, что я поставил их не там.

— Потому что ты их поставил не там, — сказала Тамара Осиповна.

— Вот поэтому я и не хочу начинать, пока мы не догово-

рились.

— Так давайте договоримся, — сказала Аня. — Сначала решим, куда складывать.

— Аня, — вздохнул мэр. — Тут взрослые люди не могут поделить ярмарочные места, а ты предлагаешь решить всё одной беседой.

— Но мы же сейчас не про места говорим. Мы про то, кто что может сделать.

— Если я не знаю, где будет стоять мой стол, я не могу сказать, сколько булочек печь, — сказал Григорий Иванович. — Если я не знаю, сколько булочек печь, я не могу сказать, сколько дров заготовить. Если я не знаю, будет ли праздник, я вообще не понимаю, зачем мне обещать.

— А если никто ничего не пообещает, праздника точно не будет, — тихо сказала Аня.

Григорий Иванович посмотрел на неё. На мгновение ей показалось, что он услышал. Но он лишь отвёл глаза.

На листе список дел всё ещё оставался почти пустым. Аня провела пальцем по краю стола и поняла: пока у каждой работы нет хозяина, люди думают не о деле, а о том, кто должен начать. В группе ответственность легко расплывается: если поручение адресовано всем, каждый может решить, что за него возьмётся кто-нибудь другой. А конкретная просьба — «привези десять досок к пятнице к полудню» — уже не прячется в общем шуме.

— Давайте я запишу, — предложила Аня. — Не буду ни-

кого назначать. Просто каждый назовёт один посильный шаг. Если не может — так и скажет.

— А если этот шаг зависит от другого? — спросила Катя.

— Тогда запишем, от чего зависит.

— А если другой не сделает? — спросил Геннадий.

— Тогда придумаем, что можно сделать вместо этого.

— А если…

— Вот видишь, — перебил мэр. — Слишком много «если».

Аня опустила глаза. Она ведь не собиралась командовать. Ей хотелось только, чтобы взрослые перестали говорить о том, что должны сделать другие, и заметили то, что могут сделать сами.

На собрании не хватало не хороших намерений, а ясности: что именно требуется, кто берётся и к какому сроку. В обычной жизни это работает так же. Намерение «надо помочь» легко отложить. План «в четверг после работы я привезу две доски и оставлю их у сцены» куда проще проверить и выполнить. Психологи называют такие конкретные планы связкой действия с обстоятельством: когда и где я это сделаю. Это не волшебная формула, но она избавляет от необходимости каждый раз заново решать, начинать ли.

Если у вас самих есть общее дело, которое застряло в разговорах, можно попробовать короткое упражнение «Одно имя — один шаг».

1. Запишите не общую цель вроде «подготовить празд-

ник», а конкретные результаты: повесить гирлянды, починить ступень, привезти продукты.

2. Разбейте каждый результат на небольшие действия, которые можно выполнить за один подход.

3. Спросите каждого, какой шаг он готов взять на себя, и запишите имя рядом с делом.

4. Уточните время и место. Если желающих нет, не стыдите людей — выясните, что мешает, или уменьшите задачу.

Так общий труд перестаёт быть туманом, в котором каждый ищет чужой силуэт. Но даже хорошая запись не заменит доверия: человек должен верить, что его вклад заметят, а обещание не используют против него.

Аня достала из кармана карандаш.

— Я могу вырезать листья после уроков, — сказала она. — Если Тамара Осиповна покажет, как делать шаблоны.

Она подошла к листу и написала своё имя напротив строки «украшения». Писала старательно, чтобы буквы не дрожали.

Тамара Осиповна чуть смягчилась.

— Шаблоны покажу. Но одними бумажными листьями площадь не украсишь.

— Это уже один шаг, — сказала Аня.

— А сцену бумажными листьями не починишь, — заметил кто-то с дальнего конца стола.

На этот раз Аня не стала отвечать. Она просто поставила рядом с собой коробку с выкройками.

Но список не ожил. Тимофей не взялся за ремонт без досок. Булочник не обещал печь без места. Торговцы не соглашались обсуждать ярмарку, пока не выяснили, кому достанется проход. Никто не хотел быть первым, потому что каждый помнил случай, когда его усилия не заметили или обернули против него. Разговор опять свернул к прошлому году.

Мэр встал. Он был не сердитым, скорее измученным, и эта усталость делала его голос тяжелее.

— Я должен принять решение сегодня. Если за два дня ничего не изменится — ни тыкв, ни ремонта, ни украшений, — я отменю Тыквенный Спас. Не потому, что хочу. Потому что нельзя открывать площадь, если сцена опасна и никто не отвечает за подготовку.

Слова упали на стол, как тяжёлый ключ.

— Отмените? — переспросила Тамара Осиповна.

— А что мне ещё делать? Обещать людям праздник, которого нет?

— Но Тыквенный Спас проводится здесь сорок лет, — сказала Катя.

— Тем более нельзя делать вид, будто он появится сам, — ответил мэр.

Он собрал бумаги. На листе напротив строк всё ещё зияли пустые поля. Только возле украшений стояло маленькое имя: «Аня». Одно имя среди длинного списка было похоже на огонёк в окне — заметный, но слишком слабый, чтобы осветить всю площадь.

Выйдя из ратуши, Аня увидела Тимофея. Он стоял у крыльца и смотрел на доску, лежавшую возле сцены.

— Я не могу один починить всё, — сказал он, будто продолжая разговор, которого не было.

— Я и не прошу, — ответила Аня. — Я просто хотела понять, с чего начать.

Тимофей помолчал. Потом поднял доску и прислонил её к стене, чтобы никто не споткнулся.

— Начать можно с того, чтобы не оставлять её под ногами, — сказал он.

Это было совсем немного. Даже не обещание. Но, когда Аня направилась домой, ветер уже не казался ей единственным, кто заметил беспорядок.

У ступеней ратуши лежала небольшая тыква. Она была одна — без корзины, без таблички, без имени того, кто её принёс. На яркой кожуре блестела тонкая белая звезда, словно ночной мороз оставил на ней отпечаток.

Аня наклонилась. Воздух был холодным, но земля вокруг ещё не промёрзла. Она коснулась узора пальцем: тот оказался ледяным.

Праздник всё ещё мог исчезнуть. До срока оставалось два дня, список дел почти не изменился, а одна девочка не могла заменить собой целый город. Но теперь у неё был вопрос, который не помещался ни в одну пустую строку: откуда взялась эта морозная звезда?

К общему делу нельзя принудить одним списком, но без

конкретных шагов оно так и останется добрым намерением. А когда первый шаг сделан, иногда именно он приводит к тому, чего никто не планировал.

Тыква с морозной звездой

В маленьком городе праздник редко отменяют одним объявлением. Сначала исчезает музыка на площади, потом — запах пирогов у входа в школу, а после этого люди начинают говорить: «Ну, в этом году не получилось». И вроде бы никто не виноват, но улицы делаются чуть тише.

Аня поняла это накануне Тыквенного Спаса. Вчера она стояла перед взрослыми в зале библиотеки и предлагала устроить вечер фонарей: пусть каждая семья принесет тыкву, поставит в нее свечу, а соседи пройдут вместе от школы до площади. Никаких дорогих украшений, только огни, горячий чай и общий стол. Она даже нарисовала план — где поставить столы и кому разнести приглашения.

Взрослые слушали внимательно. Один похвалил ее за смелость, другая сказала, что идея очень добрая. Потом начались вопросы: кто проследит за свечами, кто уберет площадь, что делать, если пойдет дождь, где взять дежурных? Наконец председатель собрания сложил ладони на столе и произнес:

— Аня, это замечательная задумка. Но в этом году мы не успеем.

Он не сердился. Никто не сердился. Оттого отказ казался еще тяжелее: его нельзя было победить спором.

Теперь лист с планом лежал у Ани в кармане пальто. Ря-

дом шуршал чистый конверт, на котором она уже написала «Деду Морозу», но письмо так и не начала. Сначала ей казалось, что нужно попросить праздник. Потом — что просить бесполезно. Теперь она просто шла по осенней улице и не знала, что написать.

За мастерской старого фонарщика Тимофея начинался огород. Аня направлялась туда не за чудом — по крайней мере, не за таким, какое бывает в сказках. Она хотела спросить, не найдется ли у Тимофея старых фонарей для ее несостоявшегося вечера.

Он жил в доме с зеленой крышей и до сих пор чинил фонари, хотя городские улицы давно освещали электрические лампы. В его огороде росли поздние яблоки, сухие стебли подсолнухов и тыквы, которые прятались под широкими листьями, точно оранжевые лодки в заросшем заливе.

— Я пришла спросить про фонари, — сказала Аня, когда Тимофей вышел из сарая, вытирая руки о фартук. — Но, наверное, уже неважно.

— Если ты принесла вопрос, значит, еще важно, — ответил он. — А если принесла только плохое настроение, с ним тоже можно посидеть. Вон на скамейке.

Аня улыбнулась, но совсем немного.

— Взрослые сказали, что праздник не получится. Я придумала, как сделать его простым, а они все равно нашли, чего не хватает.

— Это обычная хитрость у нехватки, — сказал Тимофей.

— Она умеет перечислять себя длинным списком.

Он не стал уверять, что все будет хорошо. Вместо этого предложил пройтись по огороду: проверить, не сломал ли ветер подпорку у старой яблони. Аня пошла следом. Иногда полезно сделать дело, у которого есть понятный конец: поправить подпорку, поднять упавшую лейку, убрать с дорожки ветку. Даже если большое дело пока не сдвинулось.

За кустом смородины Аня заметила тыкву, которой прежде не видела. Она лежала на мягкой земле между двумя огромными листьями. Бок у нее был темно-золотой, почти медный, а на кожуре проступала серебристая звезда.

Не нарисованная. Не наклеенная. Ее пять тонких лучей будто вросли в тыквенную кору. По краям мерцала серебряная пыль, хотя вокруг не было ни блесток, ни инея.

— Тимофей, — тихо позвала Аня. — Вы видели?

Он подошел, нагнулся и долго разглядывал тыкву.

— Вот как, — произнес он наконец.

— Что это?

— Если бы знал, так и сказал бы.

— Она так выросла?

— Возможно. А может, на кожуре остался след от листа или от царапины. У растений всякое бывает. Тыква ведь начинается с цветка: пчела переносит пыльцу, плод завязывается, растет, наливается. У каждой тыквы своя история. Обычно мы просто не успеваем ее рассмотреть.

Аня присела. Вся тыква казалась прохладной после дол-

гого дня в тени, но звезда была холоднее. Она коснулась одного луча, затем положила пальцы на золотистую кожуру рядом. Разница ощущалась ясно: там, где серебрилась звезда, холод будто поднимался к ладони из самой земли.

— Не лед? — спросила она.

— Льда я не вижу.

— И это не краска?

Тимофей достал из кармана платок. Аня осторожно провела тканью по одному лучу. Серебро не исчезло. На платке не осталось ни блеска, ни пыли.

— В темноте она, наверное, выглядит иначе, — сказал Тимофей. — Посидим до заката?

В его голосе не было уверенности, только любопытство. Так говорят люди, которые не хотят заранее решить, что именно они увидели.

— Вы знаете, откуда она взялась? — спросила Аня.

Тимофей немного помолчал, потом позвал ее в сарай. Внутри пахло сухой землей, древесной стружкой и яблоками. На полке стояли жестяные коробки, подписанные годами. В одной хранились семена фасоли, в другой — гороха, в третьей — тыквенные семечки, пересыпанные в бумажные пакетики.

На некоторых пакетиках были имена: «Мария Яковлевна», «семья Крыловых», «для нового дома у реки».

— Моя бабушка говорила, что здешние семена всегда переходили из рук в руки, — объяснил Тимофей. — Не толь-

ко у нашей семьи. По всему городу. Если у кого-то урожай пропадал или совсем не было денег на семена, соседи делились своими.

— Когда это было?

— В разные годы. В один год заморозок побил огороды, в другой весна затянулась, в третий у одной семьи сгорел сарай, где хранили запас. Тыквенный Спас тогда отмечали не с ярмаркой и музыкой. Ставили большой котел во дворе, делили еду, а у калитки оставляли конверты с семенами. Бери, если нужно. Ничего взамен не обещай.

Он достал выцветшую карточку. На ней детским почерком было написано: «Семена от Анны Петровны. Передать дальше, когда вырастут».

— И эти семена тоже от нее? — спросила Аня, показав на тыкву.

Тимофей взглянул на карточку, словно надеялся, что она подскажет ему ответ.

— Я получил их от соседки. Ей, кажется, передала сестра. А сестра говорила, что семена были от семьи, которая жила у старой мельницы. Вот только я не поручусь, что именно эта тыква выросла из той самой линии. Историю легко украсить, когда повторяешь ее детям. Может, бабушка просто хотела, чтобы мы не забывали делиться.

— Но ведь семена и правда передавали?

— Это я знаю. Вот имена, вот записи. А про звезду… — Тимофей развел руками. — Бабушка однажды говорила, что

у старых семян есть своя память. Я тогда решил, что это красивое выражение.

Он сказал это без насмешки. И без уверенности. Так Ане понравилось больше, чем если бы он объявил, будто знает тайну.

Семена тыквы были не сувенирами, а обещанием будущего урожая. Если плод полностью вызрел, семена можно вынуть, промыть, разложить тонким слоем и хорошо высушить, чтобы они не заплесневели. Потом подписать год и название сорта, если оно известно. Пакетик с подписью сохраняет не только семена: он сохраняет кусочек истории о том, кто кому помог. Аня посмотрела на карточки и подумала, что в их городе многие вещи, наверное, хранились именно так — в коробках, ящиках и чужой памяти, — пока никто не задавал о них вопросов.

— Как вы думаете, почему про это перестали рассказывать? — спросила она.

Тимофей посмотрел в окно. На улице две соседки шли навстречу друг другу, каждая несла сумку. Они не заметили друг друга, пока не поравнялись у калитки.

— Наверное, потому, что у всех было много своих дел, — сказал он. — А когда что-то кажется важным, думаешь: это и так все знают. Потом оказывается, что каждый думал то же самое.

Аня достала из кармана сложенный план праздника. На чистой стороне листа она написала три вопроса: «Кто это

придумал? Кто передал дальше? Что можно сделать сейчас?» Ей вдруг показалось, что такой способ пригодится не только для старых семян. Если дома есть незнакомая фотография, вещь в дедушкином ящике или рецепт с пятнами от теста, можно спросить о ней и записать ответ. А если ответ неизвестен — отметить, где факт, а где семейное предание. Не нужно сразу объявлять находку волшебной или пустой. Сначала стоит посмотреть, спросить и сохранить то, что удалось узнать.

— Вы помните всех, кому отдавали семена? — спросила она.

— Не всех, — признался Тимофей. — Потому и нужна бумага. Память у человека хорошая, но она любит терять мелочи.

Аня записала его имя, имя соседки и то, что он знал о старой мельнице. Потом уточнила, можно ли будет показать карточки другим. Тимофей согласился, но попросил не уносить их из сарая.

— Пока они здесь, — сказал он, — это надежнее.

— Значит, про праздник тоже можно рассказывать не только по памяти, — сказала Аня. — Можно спросить, кто что помнит. И записать.

— Можно. Только не обещай за всех. Начни с того, что можешь сделать сама.

Эти слова были простыми, но Аня услышала в них продолжение вчерашнего разговора. Взрослые отвергли ее план

целиком, а она все еще могла сделать небольшой шаг: собрать истории, найти тех, кто помнит Тыквенный Спас, узнать, какие огни можно зажечь безопасно. Праздник пока не вернулся, зато у него появилось несколько имен и голосов.

Снаружи темнело. Аня вышла в огород вместе с Тимофеем. Над крышами лежала прозрачная полоска заката. Листья тыкв распластались по земле, а в траве зажглись первые капли росы.

Серебряная звезда мерцала.

Не ярко — так вспыхивает луна в окне, когда по ней пробегает облако. Один луч стал светлее остальных, потом второй. Аня наклонилась и осторожно коснулась звезды. Кожура под пальцами оставалась холодной.

Она отняла руку.

В воздухе над тыквой возникла крошечная снежинка.

Шесть тонких лучей, будто вырезанных из прозрачного стекла. Она не падала и не кружилась, а задержалась над серебряной звездой на один короткий миг. Потом исчезла.

Тимофей стоял рядом. Аня посмотрела на него — он тоже видел.

На поверхности тыквы проступила тонкая снежная пыль. Она легла по краям звезды, едва заметная, и тут же перестала мерцать.

— Может, свет так лег, — тихо сказал Тимофей.

— Может быть, — ответила Аня.

Она не стала спорить. Чудо не обязано сразу давать объяс-

нение. Но и объяснение не обязано превращать наблюдение в пустяк. Иногда достаточно точно сказать: «Я видел это», — и не торопиться добавлять то, чего не знаешь.

Когда Аня уходила, она взяла с собой лист с вопросами и записала на его обороте: «Спросить у соседей, кто помнит семена». Праздник все еще мог не состояться. Но теперь она знала, что за ним стоит не только сцена, музыка и разрешение взрослых. В городе оставались истории о людях, которые делились последним запасом на будущую весну, — и, возможно, эти истории могли снова собрать соседей вместе.

У калитки Аня вспомнила одноклассницу, которая на вопрос о подарках всегда отвечала: «Мне ничего не нужно». В кармане пальто лежал пустой конверт Деду Морозу. Аня пока не знала, что написать в нем. Зато впервые подумала, что прежде, чем просить о своем желании, стоит узнать, о чем молчит кто-то рядом.

Девочка, которая не просила подарков

В тот вечер Аня поняла, что взрослые умеют задавать опасно простые вопросы.

— Ну что ты попросишь у Деда Мороза? — спросила мама и положила перед ней чистый лист. — Давай составим список. Чтобы ничего не забыть.

Мама говорила легко, будто желания — это покупки: запиши, проверь, положи в корзину. Аня взяла карандаш, но не написала ничего. Она знала, чего хочет. По крайней мере, знала одну вещь.

Неделю назад она остановилась у витрины игрушечной лавки. За стеклом сидел плюшевый лис — рыжий, с длинным пушистым хвостом и серыми ушами. Он был чуть нескладный, словно его сшили наспех, зато смотрел внимательно и не улыбался той нарочито веселой улыбкой, от которой Ане становилось неловко. Она представила, как посадит лиса на подушку, назовет Рыжиком и будет шептать ему секреты, пока мама занята на кухне.

Ей хотелось получить его так сильно, что тогда она даже разозлилась на себя: вдруг лиса уже купили кому-то другому? А потом рассердилась еще больше — на маму, которая в этот момент торопила ее, не заметив, как долго Аня смотрит

на витрину.

Так что пустой лист был не пустым. На нем уже теснились желание, обида и надежда, что мама догадается обо всем без объяснений.

— Не знаю, — сказала Аня.

Мама присела рядом.

— Можно не знать сразу. Подумай. Только не надо писать то, что, как тебе кажется, правильно хотеть.

Аня повела плечом. Она хотела, чтобы мама не торопила ее. Хотела лиса. Хотела, чтобы Новый год был веселым, а не таким, когда взрослые разговаривают вполголоса, а потом всё равно ссорятся из-за пустяка. И еще она хотела, чтобы в Липовске снова стало похоже на город, где люди знают друг друга не только по фамилиям на почтовых ящиках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.